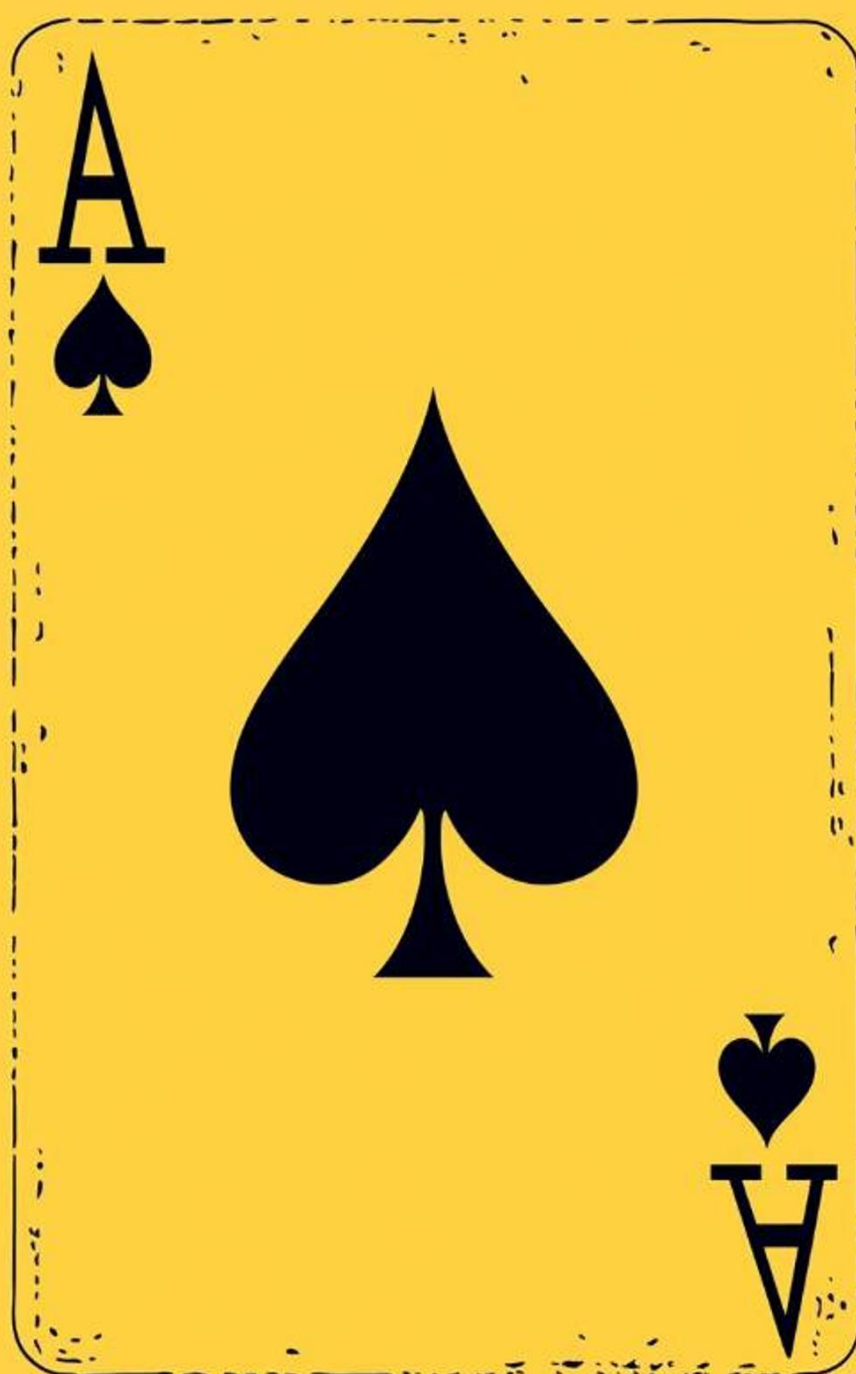

Роберт Звольский

Дон Маттео Росси

Роберт Звольский
Дон Маттео Росси

«Автор»

2026

Звольский Р.

Дон Маттео Росси / Р. Звольский — «Автор», 2026

Маттео Росси — обычный учитель истории из Казерты. У него нет денег, нет своей семьи, нет будущего. Есть только старая «Панда», любимая мама и книга о падении Римской империи, которую он пишет уже пять лет. Но всё меняется, когда он узнаёт, что его дед, которого он считал мёртвым тридцать два года, всё это время был боссом неаполитанской каморры. И теперь Маттео — наследник не только старого дома, но и книги долгов, которая может разрушить половину Неаполя.

Содержание

Глава 1. Утро, которое не предвещало беды	5
Глава 2. Разговор на кухне	11
Глава 3. Дом, который пахнет лимонами и немного страхом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роберт Звольский

Дон Маттео Росси

Глава 1. Утро, которое не предвещало беды

Будильник зазвенел в 7:15, как и каждое утро за последние семь лет. Маттео Росси протянул руку, не открывая глаз, нащупал кнопку и нажал. Тишина. Он полежал ещё три минуты, прислушиваясь к тому, как за стеной его мама гремит кастрюлями.

— Маттео! Кофе готов! — донеслось через тонкую стену. — Ты опять проспичь школу!

— Я не просплю, мама, — пробормотал он в подушку. — Я уже проснулся.

— Ты лежишь! Я слышу, как ты лежишь!

Маттео вздохнул. Это была их ежедневная утренняя дуэль: он пытался убедить маму, что он взрослый мужчина, а мама пыталась убедить его, что взрослые мужчины тоже должны есть горячий завтрак.

Он сел на кровать. Комната была маленькой, но чистой: стеллаж с книгами, стол, заваленный тетрадами, и плакат с картой Римской империи, который висел там ещё со студенческих времён. Карта уже пожелтела, но Маттео никак не мог её снять — казалось, вместе с ней он сдерёт и часть своей юности.

— Ты слышишь меня, Маттео? — крикнула мама уже из коридора.

— Слышу, мама. Иду.

Он натянул брюки и рубашку, не глядя в зеркало — он знал, что увидит там уставшее лицо с мягкими чертами, ранние морщины вокруг глаз и тёмные волосы, которые уже начали редеть на макушке. 38 лет. В его возрасте отец уже купил дом и содержал семью. У Маттео была съёмная квартира, две сотни учеников и книжка о падении Западной Римской империи, которую он писал уже пять лет и не продвинулся дальше третьей главы.

На кухне пахло кофе и жареным хлебом. Мама — невысокая полноватая женщина с вечно озабоченным лицом и неизменным фартуком — стояла у плиты и энергично помешивала что-то в сковороде.

— Сиди, — скомандовала она, даже не обернувшись. — Я тебе сделала фритату.

— Мама, я не голоден.

— Никто не говорит, что ты голоден. Я говорю, что ты будешь есть. Садись.

Маттео сел. Спорить с мамой было бесполезно — она была сильнее, чем все его ученики вместе взятые. Когда-то, в юности, он пытался протестовать, но после трёхдневного бойкота в виде молчаливых обедов сдался.

Он механически жевал яйца с овощами, глядя в окно. Казерта просыпалась. За стеклом проплывали старые дома с выцветшими ставнями, балконы с цветочными горшками, узкие улочки, по которым уже ползли первые машины. Город был некрасивым и прекрасным одновременно: в нём чувствовалась история, но она выглядела как старая, потёртая мебель, которую никто не решается выбросить.

— Ты сегодня последний урок будешь вести? — спросила мама, садясь напротив с кружкой чая.

— Сегодня у меня утром история у десятого класса, потом свободное окно, потом... — он задумался, — ...у меня в среду, кажется, ещё один урок.

— В среду? Сегодня четверг!

— Значит, у меня только один урок.

Мама покачала головой.

— Маттео, у тебя всё меньше и меньше уроков. Это плохо.

— Это экономия, мама. Школа экономит.

— Школа экономит, а ты сидишь без денег.

— У меня есть деньги.

— Триста евро в месяц — это не деньги, это пособие по бедности.

Маттео не ответил. Он дожевал фритату, выпил кофе и поцеловал маму в щёку.

— Я приду к обеду.

— Приходи не поздно. А то я буду волноваться.

Он взял портфель и вышел. За дверью был небольшой коридор, одна стена которого была увешана старыми фотографиями: вот дедушка с бабушкой на свадьбе, вот папа с мамой в молодости, вот он сам — маленький мальчик в шортах, который держит в руках модель Колизея. Маттео задержался на секунду возле фотографии деда.

Дед смотрел с карточки угрюмо и серьёзно. Высокий, худой, с густыми бровями и странным холодным взглядом, который не вязался с тем, как его описывала мама: «Он был очень добрый, Маттео. Он всегда привозил тебе лимоны». Маттео помнил лимоны — огромные, жёлтые, пахнувшие солнцем. Он не помнил деда. Тот умер, когда Маттео было шесть. Сказали, что сердце. Но теперь, глядя на фотографию, Маттео впервые подумал: почему дед всегда смотрит так, будто знает что-то, чего не знают другие?

— Маттео, ты стоишь в коридоре и смотришь на стену, — раздался голос мамы из кухни.
— Ты опоздаешь!

— Иду, иду!

Он вышел на улицу и глубоко вздохнул. Утро в Казерте пахло выхлопными газами, хлебом и цветами. Маттео зашагал к лицей, который находился в пятнадцати минутах ходьбы.

Лицей «Витторио Эмануэле» был старым, как сам город. Его фасад облупился, лепнина кое-где отвалилась, а табличка с названием висела на одном гвозде. Но внутри пахло учебниками, мелом и школьным детством — тем особенным запахом, который одновременно ностальгический и немного тоскливый.

Маттео прошёл в учительскую. Там уже сидели двое его коллег: профессор Бьянки, который преподавал латынь и вечно жаловался на молодёжь, и синьора Риччи, учительница литературы, затянутая в строгий жакет, с очками на цепочке.

— Доброе утро, Маттео, — сказала она, не отрываясь от газеты. — Выглядите уставшим.

— Доброе утро, синьора Риччи. Я не спал. Писал книгу.

— Всё ещё про Римскую империю? — спросил Бьянки с лёгкой усмешкой.

— Про её падение, — поправил Маттео. — Это важно.

— Важно то, что вы никогда её не закончите, — вздохнул Бьянки. — Я тоже в вашем возрасте писал книгу. Про древнегреческих артистов. Бросил на пятой странице, потому что понял: кроме меня, это никому не интересно.

— Мне интересно, — тихо сказал Маттео, но Бьянки его уже не слышал.

Он сел за свой стол, положил портфель и достал классный журнал. Сегодня у него был десятый класс — 17-летние подростки, которые считали историю скучным предметом и которые каждую лекцию смотрели на него с выражением «зачем мы здесь и когда звонок».

Маттео любил их. Он любил даже их безразличие, потому что иногда оно сменялось вспышками любопытства. Однажды один ученик спросил, почему Спартак был гладиатором, а не политиком. Маттео тогда говорил полтора часа, забыв про звонок. Это был его лучший день за последние полгода.

Прозвенел звонок. Он встал, поправил галстук и направился в класс.

— Доброе утро, синьор Росси, — хором сказали ученики с той ленивой интонацией, которая означала «мы всё равно не выспались, но правила приличия соблюдём».

— Доброе утро, садитесь.

Маттео открыл журнал и обвёл взглядом аудиторию: 24 лица, уставшие, любопытные, наглые, сонные. На последней парте кто-то тихо играл в телефоне, прикрывая его тетрадкой. Маттео заметил, но решил не делать замечания.

— Сегодня мы продолжим тему, которую начали на прошлом занятии, — сказал он, беря мел. — Падение Западной Римской империи.

Несколько учеников вздохнули. Кто-то прислонил голову к парте.

— Скучно, да? — спросил Маттео. — Варвары, хаос, конец цивилизации. Но если задуматься, это самая смешная история в мире.

Ученики насторожились.

— Смешная? — переспросил парень с первой парты по имени Лука. Ему было интересно, но он делал вид, что скучает — это было его юношеское амплуа. — Как может быть смешным конец империи?

— А очень просто, — Маттео улыбнулся. — Представьте: огромная империя, миллионы людей, лучшие войска, гениальные стратегии. И они пропадают, потому что не могут договориться о том, кто будет главным. Они тратят годы на то, чтобы убить друг друга, и в это время какие-то полуголые варвары переходят границу и говорят: «Эй, мы тут просто прошли, вы не против?». А римляне отвечают: «Мы заняты интригами, заходите, только не трогайте акведуки».

По классу пробежал смешок. Даже те, кто играл в телефон, подняли головы.

— В этом есть что-то человеческое, да? — продолжил Маттео. — Мы строим планы, а жизнь смеётся над нами. Римляне думали, что они вечны, а они просто... не договорились. Запомните, дети: великое всегда падает не от удара снаружи, а от гниения внутри.

Он повернулся к доске и начал рисовать схему: Рим, варвары, внутренние конфликты. Мел скрипел, ученики записывали, и Маттео чувствовал тот редкий момент, когда он был нужен, когда история оживала в этих сонных утренних глазах.

— Синьор Росси, — подала голос девочка с третьего ряда, Джулия, которая всегда сидела тихо и никогда не поднимала руки. — А это правда, что варвары — это просто необразованные люди, или они тоже были умными?

Маттео остановился. Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Отличный вопрос, Джулия. Варвары — это те, кого мы не понимаем. Необразованные — нет. Просто другие. И знаете, в этом ирония истории: римляне считали себя самыми умными, а их просто... переписали. Потому что никто не вечен.

Он говорил ещё сорок минут, и когда прозвенел звонок, ученики не бросились к выходу — они сидели, слушали, и Маттео увидел в их глазах то самое: искру, ради которой он всё это делал.

— На сегодня всё, — сказал он. — На следующем занятии я расскажу, что было после падения. Спойлер: ничего хорошего, но мы выжили.

Класс засмеялся и начал собираться. Лука подошёл к столу, когда все уже вышли.

— Синьор Росси, — сказал он. — А вы правда верите, что историю пишут дураки?

— Я верю, что историю пишут те, кто остался, — ответил Маттео. — А остаются чаще всего случайные люди. Повезло нам, что мы случайно выжили.

Лука хмыкнул, кивнул и ушёл.

Маттео остался один в пустом классе. Он сел за учительский стол и посмотрел в окно. На улице уже было солнечно, машины гудели в пробках, кто-то кричал на кого-то — обычный утренний хаос Казерты.

Ему было 38. У него не было жены, не было детей, не было денег, и он жил с мамой. Его книгу никто не издаст, а его уроки забываются через неделю. Он был просто маленьким человеком в маленьком городе, который рассказывал подросткам о великой империи, потому что у него самого не было ничего великого.

Но в этот момент, в пустом классе, пахнущем мелом, он чувствовал себя почти счастливым. Потому что у него был его предмет. Были ученики, которые иногда слушали. Была надежда, что однажды он всё-таки допишет свою книгу.

Он вздохнул, сложил тетради и пошёл в учительскую.

После уроков Маттео зашёл в кафе «Луиджи» — маленькую забегаловку на углу, где он часто обедал, потому что там давали скидку учителям. За стойкой стоял сам Луиджи — толстый, лысый, вечно недовольный и вечно с красным пятном от соуса на рубашке.

— Маттео! — закричал он, увидев его. — Обычный обед?

— Обычный, Луиджи. Макароны и кофе.

— Садись, я сейчас принесу.

Маттео сел за столик у окна. В кафе было шумно: кто-то играл в карты, кто-то кричал на футбол по телевизору, пара стариков обсуждала политику, махая руками так энергично, будто готовились к рукопашной схватке.

Он достал блокнот и открыл на той странице, где закончил вчера. Глава третья: «Кризис доверия в поздней империи». Он прочитал последние несколько строк и понял, что текст не идёт. Мысли путались. В голове вертелась фраза: «Великое всегда падает не от удара снаружи, а от гниения внутри». Хорошая фраза. Он сегодня её придумал и сразу вставил в лекцию. Но для книги это слишком пафосно.

Он перечеркнул её карандашом.

— Маттео, ты опять пишешь свою книгу, — сказал Луиджи, ставя перед ним тарелку с пастой. — Когда уже ты её опубликуешь?

— Когда закончу, Луиджи.

— Ты это говоришь уже три года.

— Пять.

Луиджи покачал головой.

— Дай мне совет, — сказал он, садясь напротив. — Я хочу написать мемуары. Про ресторан. Как я подавал пасту самому Сорренто.

— Кому?

— Ну, певцу! Человек с голосом. Он заходил ко мне в 92-м.

— Луиджи, я не знаю никакого Сорренто.

— Эх, молодёжь, — обиженно сказал Луиджи и ушёл на кухню.

Маттео улыбнулся. Он любил Луиджи — за его хамство, за его пасту, за его веру в то, что каждый может стать писателем. Луиджи был таким же, как он сам: маленьким человеком с большими мечтами.

Он начал есть, но в этот момент его телефон зазвонил. Номер был незнакомый. Казерта — местный, но на экране высветилось всего лишь «Конфиденциально». Маттео нажал на кнопку.

— Алло?

— Синьор Маттео Росси? — голос был сухим, официальным, каким-то пыльным. — Говорит нотариус Паоло Витале из Неаполя. У меня есть для вас важное сообщение. Вам необходимо приехать для получения наследства.

Маттео застыл.

— Наследства? Какого наследства?

— Ваш дед, синьор Винченцо Росси, скончался три дня назад. Он оставил завещание на ваше имя. Это касается его дома в Неаполе и некоторых... вещей.

Маттео поперхнулся макаронами.

— Мой дед? Винченцо? Он же умер, когда мне было шесть.

Нотариус на секунду замолчал.

— Вы ошибаетесь, синьор Росси. Ваш дед прожил до 87 лет и скончался вчера. Ваша семья... возможно, вам не сообщили.

Маттео уставился на телефон. Он слышал, как в кафе шумят, как Луиджи ругается с поставщиком, как старики спорят о политике. А он сидел с макаронами во рту и пытался переварить новость.

— Я... не понимаю, — выдавил он. — Вы уверены?

— Совершенно уверен. Вам нужно приехать в наш офис в Неаполе завтра утром. Я пришлю адрес.

— Завтра?

— Да, синьор Росси. Это срочно. Ваш дед... у него были важные бумаги, которые касаются вас лично.

Маттео хотел спросить, что за бумаги, но нотариус уже повесил трубку.

Он сидел, уставившись на телефон. Дед. Винченцо. Тот самый дед, который привозил ему лимоны. Который смотрел на него с фотографии в коридоре. Который, как все говорили, «работал в порту».

В голове роились вопросы. Почему ему сказали, что дед умер 32 года назад? Почему мама ничего не рассказала? И что за «важные бумаги»?

— Маттео, ты как будто умер, — сказал Луиджи, возвращаясь к столу. — Что с тобой?

— Луиджи, — медленно сказал Маттео. — Я только что узнал, что мой дед был жив до вчерашнего дня. И он оставил мне наследство.

Луиджи опешил.

— Жив? Твой дед? Но ты же говорил...

— Я тоже так думал.

— И что за наследство?

— Дом в Неаполе и какие-то бумаги.

Луиджи присвистнул.

— Неаполь! Там недвижимость, знаешь, сколько стоит! Ты богатый человек, Маттео!

Маттео не чувствовал себя богатым. Он чувствовал себя так, будто его ударили по голове. Чьи-то осколки прошлого вдруг упали на его настоящее.

— Я должен поехать, — сказал он. — Завтра. В Неаполь.

Он встал, положил деньги на стол и, не попрощавшись, вышел на улицу. Солнце палило, Казерта жила своей жизнью, а Маттео смотрел на свой телефон, на котором остался странный номер.

Он набрал номер мамы.

— Мам, — сказал он, когда она ответила. — Мне только что позвонил нотариус из Неаполя. Он сказал, что дедушка умер. Но он умер только вчера. И оставил мне наследство. Ты знаешь об этом?

На том конце повисла тишина. Такая долгая, что Маттео подумал, что связь оборвалась.

— Мам?

— Маттео, — голос мамы дрогнул. — Приходи домой. Нам нужно поговорить.

— О чём?

— Просто приходи домой. Пожалуйста.

Она повесила трубку.

Маттео стоял на улице, держа телефон в руке, и смотрел на старую Казерту. Мимо проехала машина, кто-то крикнул «Аугури!» (с днём рождения, хотя у него день рождения был в марте), и он понял, что его жизнь только что повернулась на сто восемьдесят градусов.

Он не знал ещё, что эта история закончится не в Казерте, не в Неаполе, а в пиццерии, где ему придётся выбирать между жизнью и лекцией о Сенеке. Но пока он просто шёл домой, чувствуя, как в его груди разрастается странное, ледяное волнение.

Дед был жив. Всё это время.
Его обманывали 32 года.
И он собирался узнать, почему.

Глава 2. Разговор на кухне

Маттео шёл домой медленнее, чем обычно. Он не торопился. Ему нужно было время, чтобы переварить услышанное, но голова была пустой — только один вопрос бился в ней, как муха о стекло: «Почему?».

Он прошёл мимо церкви Сан-Микеле, где колокола били полдень. Мимо овощного ларька, где синьора Паскуала, толстая, как бочка, продавала помидоры и кричала что-то про погоду. Мимо дома, где жила его бывшая девушка, Элена, — он специально перешёл на другую сторону, чтобы не смотреть на её балкон.

Дорога к дому мамы казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Он думал о том, что тридцать два года — это не шутка. Тридцать два года он считал деда мёртвым. Тридцать два года он вспоминал его только как человека с лимонами и странным взглядом. И вдруг оказалось, что весь этот срок дед был где-то там, в Неаполе, жив, дышал, возможно, даже думал о нём. Или не думал. Маттео не знал, что хуже.

Он подошёл к дому. Подъезд был старым, с облупившейся краской и выбитыми несколькими ступеньками. Запах кошек и сырости встретил его как старого знакомого. Он поднялся на второй этаж и остановился перед дверью.

Дверь была приоткрыта. Он толкнул её.

— Мам?

— На кухне, — ответил голос.

Маттео прошёл в коридор. Как обычно, он остановился возле фотографий. Теперь он смотрел на деда по-другому — внимательно, вглядываясь в каждую морщину, в каждый блик в глазах. Винченцо Росси. Работал в порту. Мама говорила, что он был «портовым грузчиком». Но грузчики не носят таких дорогих костюмов, даже на чёрно-белой фотографии. Грузчики не смотрят так — поверх головы, куда-то вдаль, будто оценивают территорию.

Маттео перевёл взгляд на другую фотографию. Дед с бабушкой на свадьбе. Бабушка улыбалась, дед — нет. Он стоял ровно, с прямой спиной, как военный. Или как тот, кто привык, что ему подчиняются.

— Иди на кухню, Маттео, не стой там, — сказала мама.

Он вошёл на кухню. Мама сидела за столом, сложив руки перед собой. Перед ней стояла чашка с остывшим чаем. Она выглядела так, будто не спала несколько ночей.

— Садись, — сказала она.

Маттео сел напротив. Тишина длилась несколько секунд. Он слышал, как тикают старые часы на стене, как кто-то в соседней квартире включает радио, как гудит холодильник.

— Ты знала, — сказал он наконец.

Мама опустила глаза.

— Знала.

Маттео почувствовал, как внутри закипает злость. Не крикливая, не громкая — холодная, тягучая, как густой сироп.

— Тридцать два года, мама. Тридцать два года. И ты знала. Как ты могла? Как ты могла молчать?

— Я делала это для твоего блага, — тихо сказала мама.

— Для моего блага? — Маттео встал. — Ты лгала мне тридцать два года и говоришь, что это для моего блага? Объясни мне. Сейчас. Объясни, как ты могла не сказать мне, что мой дед жив!

Мама подняла на него глаза. В них была усталость, боль и какая-то странная решимость, которую Маттео никогда раньше не видел.

— Садись, Маттео, — сказала она спокойно, но твёрдо. — Я всё расскажу. Но сядь.

Маттео сел. Руки его дрожали.

Мама сделала глубокий вдох, как перед прыжком в холодную воду.

— Твой дед, Винченцо Росси, не был грузчиком, — сказала она. — Он был капо ди тутти капи. Боссом всех боссов в Кампании.

Тишина. Такая громкая, что Маттео слышал, как бьётся его сердце в горле.

— Что? — прошептал он.

— Он был главой каморры. Самой могущественной семьи в Неаполе, — продолжила мама, не глядя на него. — Он контролировал порт, торговлю, половину юга Италии. Он никого не убивал лично, но по его приказу гибли люди. Он был богатым, влиятельным и очень опасным человеком.

Маттео сидел, открыв рот. Он пытался сопоставить образ деда с лимонами и старую фотографию в костюме — и не мог.

— Ты сошла с ума, — сказал он. — Это невозможно.

— Я знаю, что это звучит безумно, — сказала мама. — Но это правда. Когда твой отец женился на мне, он не знал, кто мой отец. Я ему не сказала. А когда он узнал... он был в ярости. Я обещала ему, что мы уедем из Неаполя, что мы порвём все связи, что твой дед никогда не будет частью нашей жизни. И он согласился.

— Но почему вы сказали мне, что он умер?

— Потому что я хотела защитить тебя, — голос мамы дрогнул. — Если бы люди знали, что ты внук Винченцо Росси, ты бы никогда не был в безопасности. Твоя жизнь была бы в постоянной опасности. Враги деда, конкуренты, полиция — все бы хотели до тебя добраться. Я не могла этого допустить. Поэтому мы сказали, что он умер. Все, кто знал правду, молчали. Мы переехали в Казерту. Начали новую жизнь.

Маттео закрыл лицо руками.

— Господи...

— Твой дед не хотел этого, — продолжила мама. — Он был против. Он хотел, чтобы ты вырос рядом с ним, чтобы ты стал его наследником. Но я настояла. Я не хотела, чтобы мой сын стал мафиози. Я хотела, чтобы ты был человеком. Просто человеком.

Маттео поднял голову. Глаза его горели.

— И он согласился?

— Да. Это была единственная сделка, которую он заключил на моих условиях, — мама горько улыбнулась. — Он пообещал, что не будет вмешиваться, что не будет с тобой видеться. Но он наблюдал за тобой. Всё время. Я знаю, что он приезжал в Казерту, когда ты был маленьким. Он просто стоял возле школы и смотрел, как ты играешь. Он никогда не подходил — это было условием.

— Зачем он оставил мне наследство? — спросил Маттео. — Почему сейчас?

— Потому что он умер, — сказала она. — Настоящая смерть. Не фальшивая. И он хотел, чтобы ты знал правду. Чтобы ты понял, откуда ты родом.

— Я не хочу ничего знать! — крикнул Маттео. — Я хочу, чтобы это всё было неправдой! Я хочу, чтобы мой дед был грузчиком, который умер тридцать два года назад!

— Маттео...

— Нет! — он встал. — Ты не понимаешь. Всю свою жизнь я думал, что я просто Маттео Росси, учитель истории, который живёт с мамой и пишет книгу, которую никто не прочитает. А теперь ты говоришь мне, что я — наследник мафиозной империи? Ты думаешь, я хочу этого?

— Ты не обязан этого хотеть, — сказала мама. — Но ты должен знать. Это твоя история. Твоя правда.

Маттео заметался по кухне. Руки дрожали. Он хотел что-то разбить, ударить, кричать, но вместо этого просто остановился у окна и уставился на улицу.

— Что мне делать? — спросил он тихо.

— Поезжай в Неаполь, — сказала мама. — Узнай, что он тебе оставил. Возможно, ты сможешь положить этому конец. Продать дом, отдать бумаги куда надо и забыть.

— Забыть? — он повернулся к ней. — Мам, я никогда не смогу это забыть. Ты солгала мне. Ты построила мою жизнь на лжи.

— Я построила её на защите, — сказала мама. — И я не жалею об этом. Я бы сделала это снова, если бы была уверена, что ты будешь в безопасности. Твой дед был преступником, Маттео. И я не хотела, чтобы ты стал таким же.

Маттео смотрел на неё. Он видел, как она постарела, как её руки дрожат, как она сжимает чашку, будто ищет опору. Он злился на неё. Но он не мог её ненавидеть.

— Завтра, — сказал он. — Я поеду в Неаполь. И я узнаю всё. Но я не обещаю, что я это приму. И я не обещаю, что я тебя прощу.

Мама кивнула, и по её щеке скатилась слеза.

— Я знаю, — сказала она. — Мне и не нужна твоя любовь сейчас. Мне нужно, чтобы ты был в безопасности.

— Я учитель, мама. Я не умею быть в опасности.

Он вышел из кухни и направился в свою комнату. Закрыл дверь, прислонился к ней спиной и сполз на пол. В ушах звенело. Он смотрел на карту Римской империи на стене и думал: «Как может быть, что вся моя жизнь была ложью?».

Он не заметил, как уснул — прямо на полу, в одежде, с телефоном в руке, на экране которого светился адрес нотариуса в Неаполе.

Маттео проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза. Над ним стояла мама. Она держала в руках тарелку с пастой.

— Ты не ужинал, — сказала она. — Поешь.

— Я не голоден.

— Ты всегда голоден. Ешь.

Маттео нехотя поднялся, сел на кровать и взял вилку. Паста была горячей, с томатным соусом и базиликом. Он начал есть механически, не чувствуя вкуса.

— Мам, — сказал он, жуя. — А ты знаешь, что там за бумаги? Что он мне оставил?

Мама замедлилась. Она села на край кровати и сложила руки на коленях.

— Я знаю только то, что он говорил несколько лет назад, — сказала она. — Он хотел передать тебе... что-то важное. Не деньги. Не недвижимость. Он говорил о «книге». О какой-то книге, которая была важна для него.

— Книга? — переспросил Маттео. — Он был мафиозным боссом и оставил мне книгу?

— Твой дед был образованным человеком, Маттео. Он не был тупым гангстером из кино. Он знал латынь, читал философию. Он говорил, что «настоящая власть — это знание». Я никогда не понимала, что он имел в виду.

— Книга, — повторил Маттео. — Может быть, это дневник? Или что-то историческое?

— Я не знаю. Он никогда не говорил подробностей. Но я знаю, что эта книга была самой ценной вещью в его жизни. Он сказал, что «если Маттео поймёт её, он станет свободным».

— Свободным от чего?

Мама посмотрела ему прямо в глаза.

— От прошлого.

Маттео доел пасту и положил тарелку на пол. Он смотрел на фотографию деда на стене у кровати — у него не было её раньше. Он просто поставил её туда сегодня, когда зашёл в комнату.

— Я поеду завтра рано утром, — сказал он. — Ты дашь мне адрес?

— Я знаю, где он жил. Я напишу тебе.

Она встала и направилась к выходу. У двери она остановилась, не оборачиваясь.

— Маттео, — сказала она тихо. — Я люблю тебя. И я всегда хотела для тебя только лучшего. Даже если я не права.

— Я знаю, мама.

Она вышла. Маттео лёг на кровать и уставился в потолок. Он чувствовал, как всё внутри него бурлит. Гнев на маму. Страх перед Неаполем. Странное любопытство. И ещё одно чувство, которое он боялся признать: надежда.

Надежда, что его жизнь, наконец, станет историей.

Будильник зазвенел в 6:00. Маттео не спал уже два часа — он метался в кровати, перебирая в голове все сценарии будущего. Что его ждёт в Неаполе? Дом? Книга? Угроза? Он не знал.

Он встал, умылся, надел чистую рубашку и костюм — единственный приличный костюм, который был у него. Завязал галстук, поправил воротничок и посмотрел на себя в зеркало. Уставшее лицо, круги под глазами, редящиеся волосы. Мафиозный наследник выглядел как приезжий учитель на экскурсии.

— Ну, поехали, — сказал он своему отражению.

На кухне его ждала мама. Она приготовила ему кофе и сэндвич с ветчиной.

— Ты не ел, — сказала она.

— Спасибо, мама.

— Я написала тебе адрес, — она протянула ему бумажку. — Это старый дом деда. Он в районе Спакканаполи — узкие улочки, старый квартал. Будь осторожен.

— Там опасно?

Мама замедлилась.

— Там люди, которые знали твоего деда. Они будут смотреть на тебя. Просто... не разговаривай с незнакомцами. Сразу иди к нотариусу.

— Хорошо.

Он взял бумажку, положил её в карман, поцеловал маму в щёку и вышел. На улице был рассвет. Казерта просыпалась, солнце освещало старые фасады, где-то кричал петух.

Маттео сел в свою старенькую «Панду» — маленькую, поцарапанную, с приклеенным скотчем зеркалом. Двигатель завёлся с третьего раза.

— Ну что, Панда, — сказал он, глядя на приборную панель. — Мы едем в Неаполь.

Машина фыркнула и чихнула выхлопом. Маттео вырулил на дорогу.

Дорога до Неаполя заняла около часа. Маттео ехал молча, слушая радио, которое постоянно шипело. Он думал о деде. О том, что тот наблюдал за ним из тени, приходил к школе, видел, как он играет, и никогда не подходил. Что он чувствовал? Радость? Горечь? Жалость к себе?

Он представлял себе деда — высокого, худого, с холодным взглядом, который сидит в чёрной машине и смотрит на маленького мальчика в школьной форме. Что он думал в тот момент? «Это мой внук? Он никогда не узнает меня». Эта мысль была тяжелее всего.

Неаполь встретил его шумом, гамом, суетой и бесконечными скутерами, которые вылетали из каждого переулка. Маттео ненавидел водить в Неаполе. Здесь не было правил — был только хаос. Он несколько раз чуть не врезался в мопед, слышал крики «Осторожнее, турист!», и, наконец, припарковался в каком-то переулке, заплатив незнакомому мужчине за «присмотр» за машиной.

Он вышел на улицу, держа бумажку с адресом. Район Спакканаполи был лабиринтом. Узкие улочки, высокие дома, бельё на верёвках, крики детей, запах помидоров и рыбы. Здесь пахло настоящей, грубой, живой Италией.

— Виа деи Санти, 12, — прочитал он адрес.

Он шёл минут двадцать, спрашивая у прохожих, пока не оказался перед старым трёхэтажным домом. Он был таким же обшарпанным, как и всё вокруг: облупившаяся штукатурка, зелёные ставни, балкон с цветами, которые никто не поливал.

— Так. Это здесь.

Он подошёл к двери и нажал на звонок. Тишина. Нажал снова.

Дверь открылась. На пороге стоял старик. Маленький, сгорбленный, с седой щетиной и почти мёртвыми глазами. Он улыбнулся, обнажив редкие жёлтые зубы.

— Синьор Маттео? — проскрипел он. — Я Джузеппе. Я ждал вас.

Маттео опешил.

— Откуда вы знаете, кто я?

— Я знаю всех, синьор Маттео, — старик усмехнулся. — Ваш дед говорил мне о вас. Он говорил, что вы приедете. Он ждал этого дня.

— Ждал? — переспросил Маттео. — Он знал, что умрёт?

— Он знал всё, синьор Маттео. Поэтому и оставил вам... кое-что.

Старик посторонился и жестом пригласил его войти.

Маттео перешагнул порог.

Глава 3. Дом, который пахнет лимонами и немного страхом

Маттео перешагнул порог и чуть не споткнулся о порванный коврик с надписью «Benvenuti» («Добро пожаловать»), в котором не хватало буквы «п», так что выходило «Bevetuti» («Выпитые»). Он подумал, что это плохой знак.

Дом внутри был старым, тёмным и пахло так, будто здесь смешали лимоны, сырость и вековую пыль. Коридор был узким, с высокими потолками, на стенах висели старые картины — пейзажи Неаполя, потемневшие от времени. Пол скрипел под ногами.

— Проходите, проходите, синьор Маттео, — проскрипел Джузеппе. — Не бойтесь, дом старый, но крепкий. Как ваш дед.

Маттео шёл за ним, оглядываясь по сторонам. В углу стоял старый сундук, на столе лежала пожелтевшая газета 1987 года. Казалось, время здесь остановилось лет тридцать назад.

— Вы здесь живёте, синьор Джузеппе? — спросил Маттео.

— Я? — старик засмеялся, точнее, закашлялся, но было похоже на смех. — Я живу в саду, синьор Маттео. В сторожке. Я ухаживал за садом вашего деда тридцать лет. Розы, лимоны, оливковые деревья. Он говорил, что я единственный, кто умеет поливать так, чтобы растения не обижались.

— Обижались?

— Ну да. Если поливать неправильно, они растут злыми. Лимоны становятся кислыми, розы — колючими. Я поливаю их с добром, и они добрее.

Маттео ничего не понял, но решил не спорить. Старик явно был немного не от мира сего, но Маттео уже начинал ему симпатизировать.

Они прошли в гостиную. Это была большая комната с высоким потолком и огромными окнами, за которыми виднелся сад — настоящий сад, с лимонными деревьями, розовыми кустами и старой оливой в центре. Маттео застыл на секунду: он не ожидал увидеть такую красоту в центре Неаполя. За окном, несмотря на городской шум, сад был тихим и зелёным.

— Садитесь, синьор Маттео, — Джузеппе указал на массивное кожаное кресло, которое явно видело виды. — Я принесу вам лимонного лимонада. Дед всегда любил лимонад.

— Синьор Джузеппе, я не за лимонадом, — сказал Маттео, садясь. — Я за наследством. Нотариус сказал, что есть бумаги.

— Бумаги, бумаги, — старик замахал рукой. — Сначала лимонад. Бумаги никуда не убегут. А лимонад остынет.

Маттео вздохнул. Спорить со стариком, который называл его «синьор Маттео» и искренне верил, что растения чувствуют доброту, было бесполезно.

Джузеппе удалился на кухню, и Маттео остался один. Он начал разглядывать комнату. На камине стояли фотографии. Он подошёл ближе и увидел себя. Маленький мальчик в школе, с рюкзаком, с бледным лицом — он узнал ту самую фотографию, которую мама сделала в первый учебный день. Откуда она здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.